ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ И КОНЕЦ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Воейков Михаил Илларионович – д.э.н., профессор, зав. сектором Института экономики РАН

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы экономической теории в связи с ростом экономической роли государства. Государство в современных условиях превратилось в основного экономического актора, что многое меняет в экономических отношениях и, следовательно, в экономической теории. Рыночный механизм уходит в прошлое и на место максимизации прибыльности приходит показатель максимизации общественной полезности. В статье также показывается, что концепция экономического либерализма утрачивает своё ведущее значение.

Ключевые слова. Государство, экономический либерализм, рынок, высокие технологии, экономическое неравенство.

STATE PATERNALISM AND THE END OF ECONOMIC LIBERALISM

Voeykov Mikhail Illarionovich,
Doctor of Economics, Professor, Head of Sector of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

Annotation. The article deals with topical issues of economic theory in connection with the growth of the economic role of the state. The state in modern conditions has become the main economic actor, which changes a lot in economic relations and, consequently, in economic theory. The market mechanism is becoming a thing of the past, and the indicator of maximizing social utility comes to the place of profit maximization. The article also shows that the concept of economic liberalism is losing its leading role.

Keywords. State, economic liberalism, market, high technologies, economic inequality.
DOI: 10.5281/zenodo.7189732

Когда-то либерализм был прогрессивной и многообещающей научной концепцией. И не только концепцией, а ещё общественно-политической практикой. Речь идёт прежде всего о либеральной экономической концепции, которая до сих пор служит иконой для многих западно-ориентированных экономистов и под знаменем которой проводились экономические реформы в России в 1990-е гг. Известно, что эти либеральные реформы нанесли сокрушительный ущерб экономике страны, развалили нашу промышленность, понизили материальное благополучие большинства населения, в громадной степени увеличили экономическое неравенство людей. Отрицательные последствия этих либеральных реформ можно перечислять долго, но достаточно привести один факт.

В СССР все люди были более или менее равны, экономическое неравенство было минимальным. Коэффициент Джини был на уровне скандинавских стран, характерный для социальной экономики, в 1992 г. он равнялся 0,28, а сегодня в России он равен примерно 0,41. Либералы же не любят равенства. Они считают, что равенства не должно быть, ибо, по их мнению, оно не стимулирует рост производительности. Так, Л. Мизес пишет: «Только благодаря неравенству богатства, возможному в условиях нашего общественного порядка, только благодаря тому, что он стимулирует каждого производить столько, сколько он может и при наименьших издержках, человечество сегодня имеет в своём распоряжении тот совокупный объем годового богатства, которое можно использовать на потребление» [5, с. 788]. Неравенство, согласно либеральному подходу, способствует росту сбережений, а, следовательно, и инвестиций в развитие экономики. Сегодня в России неравенство зашкаливает за все разумные пределы. Так, в 2019 г. доля богатства страны, сосредоточенная у 1% наиболее богатых россиян, составила 58,2%. Т. е. более половины богатства страны принадлежит всего лишь горстке людей, составляющей только 1% населения. В большинстве основных европейских стран концентрация богатства у 1% населения не превышает 30% [2, с. 129]. Итак, неравенство в современной России поражает воображение, а инвестиций как не было, так и нет. Значит, уже в этом вопросе либеральный экономический подход не срабатывает.

Более того, либеральные экономические реформы 1991-1995 гг. нанесли России экономический ущерб, вполне сопоставимый с потерями народного хозяйства от нашествия фашистской Германии и даже сильно превосходящий эти потери. Так, если промышленное производство в 1945 г. сократилось по сравнению с 1940 г. всего лишь на 10%, то в 1995 г. по сравнению с 1990 г. промышленное производство сократилось на 50,3% [Рассчитано по данным: 1]. Тут и напрашивается вопрос – что для экономики России ущербнее: война с фашистской Германией или либеральные экономические реформы, навязанные «Вашингтонским консенсусом» в США? На этот вопрос хорошо ответил Ю. В. Якутин. Либеральные преобразования постсоветского периода, пишет он, «уполовинили национальную экономику, привели к разгрому созданных в СССР высокотехнологичных промышленных отраслей и комплексов, мощно ударили по индустрии народного потребления и фактически ликвидировали почти все социальные завоевания советского периода – так, что специалисты оценили соответствующие реформационные потери в качестве кратно превышающих ущерб Советского Союза от гитлеровского нашествия!» [13, с. 19]. И это реальная цена либеральных реформ 1990-х гг. в России.

Недавняя пандемия коронавируса хорошо показала никчёмность либеральной экономической концепции. Ведь в борьбе с пандемией многие государства решительно отбросили эту концепцию в мусорную корзину и применили жёсткие меры регулирования всей жизни общества. К сожалению, теории либеральных экономи-

стов до сих пор имеют некоторую моду в среде некоторых российских университетов. Основная экономическая концепция либералов заключается в том, что спонтанному, т. е. хаотическому экономическому развитию нет альтернативы. Это, например, утверждает лауреат Нобелевской премии по экономике Ф. Хайек: «Спонтанное сотрудничество свободных людей часто создаёт вещи более великие, чем их индивидуальные умы смогут когда-либо постичь в полной мере» [10, с. 10]. Правда, Хайек не объясняет: как простым спонтанным сотрудничеством можно создать электрическую лампочку, автомобиль или самолёт? Для всего этого нужны индивидуальные умы, обогащённые знанием, которые и создали современную техническую цивилизацию. Более того, если верить Хайеку что спонтанное, т. е. никем и ничем не регулируемое, экономическое развитие – это очень хорошо, то встаёт вопрос о существовании экономической науки. Если не нужно никакого экономического регулирования, то и экономическая наука вовсе не нужна. Но вопреки мнению экономических либералов экономическая наука существует и существует экономическое регулирование со стороны государства. Существует и набирает все большие масштабы сознательное централизованное управление экономикой, что проявляется в самых разных экономических мероприятиях: борьба с инфляцией, регулирование процентной ставки, минимальный уровень оплаты труда, государственные инвестиции, прогрессивная шкала налогообложения и многое другое. Иными словами, экономика должна развиваться не как придётся, куда вывезет кривая рынка, а целенаправленно в интересах большинства людей. Для этого и надо насытить экономику новыми технологиями, новыми знаниями, новым пониманием законов общественного, в том числе экономического, развития.

Известно, что рынок в настоящее время представляет собой наиболее эффективный механизм экономического развития. Суть рыночного механизма (конкуренции) состоит в соизмерении индивидуальных издержек труда по производству какого-либо продукта с общественно необходимой величиной, той, что складывается на рынке. На этой основе происходит дифференциация всех участников производственного процесса на лучших и худших. Практически это означает, что лучшие производители товаров или услуг достигают максимальных преимуществ и способны расширить своё производство, а худшие - в конце концов, выводятся за пределы хозяйственного процесса. Благодаря конкуренции осуществляется наиболее оптимальное (эффективное) распределение ресурсов. В отношении труда через рыночный механизм происходит эффективное его распределение между различными отраслями и видами экономической деятельности и регионами. При хорошо отлаженным рынке труда зарплата занятых работников одной и той же квалификации в одной отрасли промышленности не должна существенно отличаться от зарплаты в других отраслях промышленности. Рынок усредняет цену предложения и спроса.

Вместе с тем, не следует переоценивать возможности рыночного механизма.

Рыночный механизм был хорош на первой стадии индустриального производства, когда изготовлялись сравнительно простые продукты для массового потребления. Сегодня все существенно усложнилось. В долгосрочной перспективе воздействие рынка весьма незначительно, слабое воздействие он оказывает и на развитие современных сложнейших отраслей и промышленных комплексов (атомная промышленность, ракетостроение, космос и т. п.). Весьма спорным или иллюзорным является распространение рыночного механизма на некоторые отрасли так называемой «новой экономики». Например, продукты таких отраслей как здравоохранение, культура, наука, образование объективно не могут являться предметом рыночной конкуренции. Так, производство и распределение холста и сапог, классических предметов рыночного саморегулирования, принципиально отличается от производства и распределения профессоров и солистов Большого театра. От увеличения инвестиций в последний больше талантливых солистов никак не станет. И Большой театр, наверное, соревнуется с Малым (благо рядом расположены), но это не рыночная конкуренция, ибо монополия одного театра тут невозможна.

Однако, социальные ценности (такие как здоровье и жизнь) находятся за пределами рынка. Если рынок есть объективная реальность, то нельзя же всерьёз полагать, что люди могут по своему желанию запретить или отменить эту объективную реальность, что люди могут свои моральные, этические или нравственные предпочтения (ценности) навязывать рынку. Внешние параметры рынка можно и нужно регулировать, при условии понимания и знания издержек этого регулирования.

Социальные ценности, с одной стороны, накладываются на рынок, определяют параметры его функционирования. С другой стороны, сам рынок предопределяет возможный объем социальных ценностей. Поэтому всегда и везде рынок ограничен, регулируем. В противном случае, при господстве только экономической эффективности, он может привести к нелепым и просто антигуманным последствиям. В научной литературе об этом писали сотни, если не тысячи раз. Вот одно из этого рода высказываний: “Идея саморегулирующегося рынка основывается на самой настоящей утопии. Подобный институт не мог бы просуществовать сколько-нибудь долго, не разрушив при этом человеческую и природную субстанцию общества; он бы физически уничтожил человека, а среду его обитания превратил в пустыню” [6, с. 13-14]. Это сегодня и видно на примере недавней пандемии.

Более того, по мере увеличения богатства, развития экономики возрастает объем и значение всевозможных социальных ценностей, и в то же время падает значение экономического момента, что ведёт к возрастанию жёсткости регулирования рыночного механизма. Ещё в начале XX века русский экономист М. И. Туган-Барановский сформулировал это положение таким образом: «Участие хозяйственного труда в общей совокупности социальной деятельности сокращается по мере хода истории. Повышение производительности труда подрывает социальное преобладание хозяй-

ства, и нехозяйственная деятельность приобретает, в качестве движущей силы истории, все большее значение» [7, с. 85]. Значит, все более возрастает значение человеческой деятельности, в центре которой находится не экономическая эффективность, а социальные (культурные, научные, образовательные, гуманитарные и т. д.) цели развития. Значит, возрастает роль сознательного, осмысленного регулирования социально-экономического процесса.

Плановые методы представляют собой хороший канал для проведения политики, исходящей не только из чисто экономической эффективности. Через эти методы весьма удобно проводить и социальные, этические ценности. Это часто провоцирует политиков социальные цели рассматривать не как результат сознательного регулирования рынка, а вставлять их в сам рыночный механизм и полагать, что рынок кроме экономической эффективности может дать ещё и социальную справедливость. Кстати, в советский период чаще всего так и было. Через плановые методы пытались решать задачи не повышения экономической эффективности, а преимущественно достигать социальные цели общественного развития.

Сегодня, когда развитые западные страны переходят к «обществу знаний», большие сферы человеческой деятельности выводятся из-под рыночного регулирования (например, образование). Положение, согласно которому в сферах человеческой деятельности с преобладанием творческого труда (наука, образование, культура) рыночные механизмы перестают работать, уже давно и успешно разрабатывается в новой социально-экономической литературе. И в этом случае либеральная экономическая теория (мэйнстрим), которая уже не в состоянии объяснять эти новые процессы, должна заменяться новой теорией.

Основная проблема состоит в замене стихийного экономического развития сознательной целеполагающей деятельностью людей. Это вызвано тем, что сегодня мировое общественное развитие наткнулось на череду серьёзных кризисов, из которых на основе либеральной экономической модели, которая все пускает на самотёк, просто нет выхода. И общество, и экономика не могут быть исключением. Человечество давно живёт в придуманном, искусственном техническом мире. Без него люди до сих пор бы мёрзли в земляных норах, питались сырым мясом или корнями, мокли под дождём и мёрли тысячами. Чему печальным примером может служить недавняя пандемия.

Современная человеческая цивилизация – это онаученное общество, общество знаний. Поэтому и социальное развитие общества, и экономику надо оплодотворять научными знаниями. Научное знание проникает и в экономику, а с пришествием нового технологического уклада, новых технологий, в том числе цифровых, спонтанное экономическое развитие будет заменяться научно обоснованным. В этой связи С. Д. Бодрунов пишет о тупиковости современной модели экономического развития: «В воздухе витает предчувствие глубоких перемен. Человечество сталкивается с

угрозами, исходящими и от неконтролируемого развития техносферы, и от деградации природной среды, и от посягательств на природу самого человека, и от неравномерности развития стран и народов, и от вызванных всем этим общественных конфликтов». И дальше: «Мы, наконец, подошли к пределу эффективности существующей модели развития» [3, с. 13, 56]. И это совершенно верно. Об этом уже пишут многие умные люди. Так профессор Кембриджского университета Э. Гэмбл: «До сих пор не видно конца более глубокому кризису неолиберального порядка, ярким знамением которого стал крах 2008 г. Мы являемся свидетелями лишь ранней стадии этого кризиса» [4, с. 15]. И опять на ум приходит недавняя пандемия. Сегодня мировое общественное развитие наткнулось на череду серьёзных кризисов, из которых на основе либеральной экономической модели, которая все пускает на самотёк, просто нет выхода.

Показательно, что, когда рыночная экономика теряет свою позитивную функцию, плодятся фантомы экономической теории. Это касается разговоров о социальном капитале, интеллектуальном капитале фирмы, интеллектуальной собственности, экономике счастья, и т. д., и т. п. То же самое можно отнести и к разговорам об информационном обществе, когда по мысли говорящих информация превращается в особый ресурс и чуть ли не заменяет материальное производства. Конечно, информация нужна для развития и совершенствования того же материального производства и поиска благополучной жизни. Новый тип материального производства требует новых форм хозяйствования и управления и, видимо, нового понимания экономики вообще. Традиционной экономике в общепринятом понимании уже нет места. Экономика как спонтанный хаос непреднамеренных действий уходит в прошлое. Новые технологии меняют роль государства, либеральное государство XIX века уходит в прошлое. Но ренессанса рыночных отношений нет, как и нет ренессанса частной собственности. И никак не сокращается регулирующая роль государства, а как раз наоборот - возрастает.

Почти всеми признается очевидный факт роста объёма, значения и влияния государства в современной экономике. Это признают даже американские консерваторы, тугие на современные мнения. Сегодняшний либерал-консерватор Р. Хиггс пишет: «Конец XIX и весь XX век были периодом беспрецедентного роста полномочий государства, находящихся в его распоряжении ресурсов и масштабов его вмешательства в экономическую и частную жизнь граждан» [11, с. 9]. И вот такой вывод: «Даже простое перечисление многочисленных полномочий государства займёт несколько томов, потому что его влияние затрагивает все: фермы, заводы и магазины; жилища, школы и больницы; науку и технологии; и даже отдых и развлечения» [там же, с. 24]. Действительно, даже в США, как пишет Ч. Уилэн, «Министерство сельского хозяйства США в настоящее время требует, чтобы каждая замороженная мясная пицца содержала по меньшей мере 10 % мяса» [9, с. 309]. Но если Министерство сельского хо-

зяйства США устанавливает нормативы на производство пиццы, значит с рыночной экономикой в США что-то не так. Рыночная экономика в США угасает.

Интересны причины современного роста государства. Почему это происходит: злая воля, дело случая или ещё что-то? Есть ли какая-то объективная причина, объективная составляющая этого процесса? На наш взгляд, основная объективная причина состоит в развитии более сложного производства и усложнении технологий, в переходе к новому технологическому укладу, что отражается в трансформации экономической организации общества. Именно экономическая организация наполняет содержанием все остальные формы человеческого общежития, в том числе и государство. А современное производство на место индивидуального производителя ставит сложную кооперацию многих производителей и их объединений. Новая технология кладёт конец экономическому индивидуализму и либеральному капитализму. Обобществление производства, о чем много писали ещё советские экономисты, стало сегодня очевидным и совершенно бесспорным фактом. Более того, информационные технологии, которые сегодня приобретают все большее значение, превращают государство в почти единственного экономического актора. Ведь информация только посредством государства приобретает экономическое значение. Информация как таковая не может быть частной, «для себя», она всегда носит общественный характер. Меняется и понимание самой экономики.

Некоторые заокеанские экономисты, не понимая сути современных проблем экономического развития, продолжают настойчиво говорить, что спонтанному, т. е. хаотическому экономическому развитию нет альтернативы. Но на это давным-давно в научной литературе был дан исчерпывающий ответ. Вот, например, М. И. Туган-Барановский написал такие слова: «Идеал либерализма уже давно потерял свою действенную силу и ни в ком энтузиазма не вызывает; уже давно никто не верит, что политическая и гражданская свобода, как бы широка она ни была, могла, сама по себе, привести к удачному разрешению социальных вопросов нашего времени и общему благополучию» [7, с. 56]. Это писано в 1910 г., а, кажется, что эти слова написаны сегодня утром, так они хорошо и ёмко отражают нашу постсоветскую действительность после трёх десятков лет либеральных трансформаций.

Надо признать, что западная экономическая теория, в основе которой лежит либеральная концепция, находится в некоторой прострации. В этой связи А. Г. Худокормов пишет: «Современный кризис экономической теории Запада будет, по всей видимости, затяжным… И важнее всего, мало что делается и в теории, и на практике для обуздания хищнической идеологии с её лозунгом «прибыль любой ценой» [12, с. 34]. Но все же основная причина кризиса экономической теории состоит в том, что экономика ведущих западных стран довольно заметно уходит от чисто рыночного регулирования. Рынок перестаёт играть доминирующую роль в этих обществах. Большие сферы жизни цивилизованных стран Запада выводятся из-под ры-

ночного воздействия: образование, здравоохранение, наука, культура, окружающая среда, правопорядок. Все это, а также и многое другое уходит в сферу государственного регулирования. На место «невидимой руки рынка» приходит сознательная деятельность государства, которое становится основным экономическим агентом. Рынок сужается. А основное направление экономической теории (мэйнстрим) продолжает оставаться рыночным, продолжает описывать рациональное поведение человека на рынке. Тем самым, теория экономического либерализма предстаёт сегодня явно устаревшей и никчёмной конструкцией.

Литература

1. Народное хозяйство СССР. 1922-1982. Юбил. стат. ежегодник / ЦСУ СССР. – М.: Финансы и статистика, 1982. С. 55; Российский статистический ежегодник. Стат. сб. / Госкомстат России. – М.: Логос, 1996. С. 492.
2. Анисимова Г. Обострение социально-экономического неравенства в России. // Общество и экономика, 2020, № 9.
3. Бодрунов С.Д. Ноономика. – М.: Культурная революция, 2018.
4. Гэмбл Э. Кризис без конца? Крах западного процветания. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2008.
5. Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. М.: Экономика, 2000.
6. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. - СПб.: “Алатейя”, 2002.
7. Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. – М.: РОССПЭН, 1996.
8. Туган-Барановский М.И. Теоретические основы марксизма. М.: Едиториал УРСС, 2003.
9. Уилен Ч. Голая экономика. Разоблачение унылой науки. – М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005.
10. Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. – Челябинск, Социум, 2011.
11. Хиггс Р. Кризис и Левиафан: поворотные моменты роста американского правительства. – М; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016.
12. Худокормов А.Г. Развитие мировой экономической теории через её периодические кризисы. – М.: ИЭ РАН, 2012.
13. Якутин Ю. Уроки Великой Победы. // Российский экономический журнал, 2015, № 1.